

● Эдик, дорогой, за что?!

Евгений Евтушенко отвечает на письмо Эдуарда Асадова

Дорогой Эдуард Асадов! Я был не просто удивлен, а ошеломлен твоим письмом в «Ве-

черную Москву» (31 мая с.г.), где ты упрекаешь меня в том, что я тебе завидую. Надеюсь, что ты уважаешь мнение Б. Окуджавы, такого же фронтовика, как и ты, человека, обычно сурового в оценках. «Я очень люблю Евтушенко, и что бы о нем ни говорили, он человек очень добрый и независтливый. Это главная черта таланта — никому не завидовать, радоваться чужому успеху. Он всегда за кого-то хлопочет, может восхититься чужой удаче, как-то по-детски добр. Сейчас ругают его антологию. Но ведь он предупредил, что это его субъективный вкус, и вкус, я считаю, хороший.» («Вечерний клуб», 1997 год).

Эдик, дорогой, если бы я на самом деле завидовал тебе, ну зачем же мне было печатать твои стихи в моей постоянной колонке в «Вечерке» — одной из немногих сегодняшних газет, не забывающих о существовании русской поэзии? Зачем же мне надо было приносить тебе извинения за то, что твое имя выпало из антологии? За что же ты обиделся?

Оказывается, за две моих фразы. Давай вернемся к ним. «Стихи Асадова давали утешение многим читателям, не доросшим до Ахматовой, Пастернака, Мандельштама, но нуждающимся в помощи поэзии». А разве это не правда, Эдик? Если твоя поэзия помогала, давала утешение этим людям, что в этом оскорбительного для тебя? И разве все читатели Ахматовой, Пастернака, Мандельштама в обязательном порядке должны быть твоими или моими поклонниками? Вот это уже не правда, Эдик. Унижает это тебя? Нисколько. Восторженные читатели Некрасова не принимали Фета, а поклонники Фета не принимали Некрасова, те и другие

совместно отрицали Надсона. А ведь и у Надсона есть свое место в русской поэзии, и кому-то он тоже давал утешение в годы тогдашнего безвременья.

Другая моя фраза, непонятно почему оскорбившая тебя, такова: «Стихами Асадова зачитывались все те, кто стихов обыкновенно не читает — пэтэушники, лимита, дворничихи, приемщицы химчисток, солдаты переписывали стихи Асадова в тетрадки». Что же тут оскорбительного с моей стороны? Разве все эти люди принадлежат к низшей касте и не заслуживают того, чтобы быть адресатами наших стихов? Для меня, например, дороже всех диссертаций обо мне то, что на сельских околицах, в рабочих общежитиях, на улицах поют мою песню «Ах, кавалеров мне вполне хватает, но нет любви хорошей у меня», даже не интересуясь тем, кто автор этих немудреных слов, не претендующих на соревнование с Пастернаком и Мандельштамом.

«Ревность — плохой советчик», — пишешь ты, безосновательно заподозрив меня в зависти. Но мнительность тоже плохой советчик, Эдик!

Недавно миланский суд через столько лет наконец-то оправдал Сальери, которому приписывали зависть к Моцарту. Ты пишешь о «миллионах и миллионах» твоих читателей в нашей стране и за рубежом. Боюсь, что у всех современных поэтов вместе не наберется столько читателей. Любовь к поэзии связана с идеализмом, и любить стихи нельзя без хотя бы малой его толики. Но XX век цинично нанес столько смертельных ударов по идеализму, удушал его в гитлеровских газовых камерах, замораживал его в ГУЛАГе, погребал его под лавиной пошлости, низвергающейся с экранов телевизоров. Многие люди, стараясь выжить любой ценой, и не догадываются о том, как им необходима поэзия. Мы, поэты, должны не уставать напоминать им об этом и не тратить время на мнительность.

Евгений ЕВТУШЕНКО
Сургут, 2 июня

Вет. Москва. - 1997. - Февраль. - с. 2